

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО** | **А. ВОЛОТНИКОВА**
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 88 (404)

14 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЧЕХОВ И ЗАПАД

— Ал. Дейч —

Общезвестно утверждение, что Чехов — художник русский, специфически русский. А. М. Горький в своих воспоминаниях о Толстом рассказывает, как однажды Толстой, обратившись к Чехову, сказал:

— Вот вы, вы русский! Да, очень, очень русский.

Действительно, творчество Чехова тесно связано с русской действительностью его эпохи, эпохи глухого и мрачного безвременья.

Если проследить развитие литературного таланта Чехова, то мы увидим довольно значительную эволюцию в общественном отношении. Чехов вступил на литературный путь политически безразличным человеком и даже в 80-х гг. принимал участие в реакционной суворинской газете «Новое время». В 90-х годах он отходит от «нововременцев», сближаясь с либеральными органами печати. Еще в 1889 году в письме к Плещееву Чехов называет либеральных литераторов «узколобыми инквизиторами», выступающими «под флагом угнетенного свободомыслия». И уже через несколько лет мы видим, что он осуждает тот самодержавный строй, припешниками которого являлась суворинская клика.

В этом переломе сыграли немаловажную роль заграничные поездки Чехова. От его наблюдательного взора не ускользнул контраст между самодержавно-бюрократической Россией и «свободным» Западом.

Дело Дрейфуса нанесло удар хорошим отношениям Чехова с Сувориным. «Новое время» безоговорочно поддерживала позицию французского генерального штаба, и развивая усиленную антисемитскую агитацию, выливал ушаты помоев на лучших людей Франции, требовавших пересмотра дела Дрейфуса. Суворин нападал на Золя, и Чехов в письмах к Суворину писал, что Золя «в этом своем процессе, как в скипидаре очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Эта чистота и нравственная высота, каких не подозревали»...

Из-за дела Дрейфуса произошел окончательный разрыв между Чеховым и «нововременцами». Чехову пришлось видеть в Париже выступления рабочих на улицах и присутствовать в Палате депутатов на заседании, где обсуждался запрос по поводу усмирения бастующих рабочих. Общее впечатление от виден-

ного им в буржуазных государствах было значительно: «Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы, не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться».

Можно сказать, что Чехов, будучи на Западе, никакой связи с иностранными писателями не имел и не поддерживал. Да и они очень мало знали Чехова при его жизни не только как человека, но и как писателя.

Популярность Чехова на Западе пришла после смерти.

В 1904 году известный датский критик Георг Брандес один из первых написал этюд об Антоне Чехове. Он довольно плоско подошел к творчеству Чехова, воспринимая его как единую психологическую линию лирического пессимизма. Не объясняя эти пессимистические настроения социальным укладом и политическими условиями, в которых развивалось творчество Чехова, Брандес выводил эти настроения из типических свойств «русской души».

В первое десятилетие после смерти Чехова Запад почти не интересовался его произведениями. Во французских, немецких, английских периодических изданиях мы находим порой переводы его рассказов. Характерно отметить, что в ту пору западного читателя интересуют главным образом веселые, сюжетные вещицы Антоши Чехонте, Чеховская лирика, импрессионистская камерность пьес, как наименее доходчивые стороны творчества Чехова, оставались в тени. Особого успеха в эти годы Чехов не имеет. Мировая война сделала писателя «особо не актуальным». Беснующиеся немецкие националисты уничтожили памятник писателю в Баденвейлере и использовали чугун для военных нужд.

Лишь после войны, приблизительно с 1920 года, начинается небывалый до сих пор интерес к творчеству Чехова. Во Франции, в Германии, в Англии, в Испании, Японии начинают усиленно переводить, играть на сцене и комментировать Чехова. Он становится излюбленным автором мелкобуржуазной, мещанской интеллигенции Запада. Интеллигент, представитель мелкой городской буржуазии исполнен сознания общественной промежуточности и обособленности. Немецкий мелкий буржуа, французский провинциал, японский меща-

нин-обыватель проникаются «чеховскими настроениями», как далекими переживаниями того, что их мучает и терзает в настоящее время.

И вот западная критика наших дней, вчитываясь в произведения Чехова, старается разгадать тайну его обаяния. Известный французский критик, Эдмонд Жалу, анализируя рассказы Чехова в газете «Нувель литтерер», так и не может додуматься до того, чем близок Чехов французскому читателю: «На первый взгляд он только реалист, и его реализм самый будничнейший, самый банальный, которым мы пресыщены ныне и от которого мы устало отворачиваемся».

Другой французский критик Жан Жак Бернар (в журнале «Эуропа нувель»), говоря о постановке «Трех сестер» в парижском «Театре искусств» находит в Чехове «смесь печального реализма с необузданным мистицизмом». Разумеется, это утонченный вздор эстетствующего критика.

Интерес, возникший в послевоенный период к Чехову на Западе, может быть объяснен только тем, что прекрасное, эмоциональное и глубоко волнующее отображение «печальной действительности» затрагивает сокровенные струны сердец читателей, прозябающих в столь же неприглядной действительности, как и чеховские герои.

И правы те западные критики, которые находят в Чехове не далекую и непонятную экзотику, а ту этическую ценность, связанную с глубокой человечностью, которая привлекает к себе читателя. Эдмонд Жалу, сравнивая Чехова с французскими мастерами новеллы Меримэ и Мопассаном, пишет: «Чехов не мог бы очаровывать до такой степени русских, англичан, французов и японцев, если бы он не был общечеловеческим мыслителем».

Вопрос о постановке Чехова на французском театре — проблема, неоднократно возникающая у критиков и режиссеров. Гастроли Станиславского в Париже показали «Вишневый сад» на сцене театра Елисейских Полей и вызвали бурное одобрение прессы и зрителей. Затем Писсар, офранцузившийся русский актер и режиссер, поставил «Дядю Ваню» и «Три сестры». С тех пор установи-

лось традиционное мнение в театральной критике, что Чехова может показать французам только русский театр или русский режиссер. И лишь на днях, в начале июня этого года, как пышно выражается Жан Жак Бернар, «состоялась решительная встреча Чехова с французским духом»: режиссер Мари-Анж Риван осуществила постановку мало известной пьесы Чехова «На большой дороге» (театр Малой сцены). Французская печать отмечает удачную передачу «атмосферы Чеховского спектакля, заставляющую вспомнить филигранную работу театра настроений Станиславского».

Послевоенная Германия, подобно Франции, обнаруживает значительный интерес к творчеству Чехова.

Особенно сильно влияние Чехова на английскую и американскую литературу.

«Британская энциклопедия» в статье о Чехове указывает, что творчество писателя пустило глубокие корни в Англии: «К 1926 году влияние Чехова достигло своего апогея. Англия оказалась исключительно восприимчивой к его обаянию. Он рассматривается, как крупнейший русский писатель, новеллист и драматург современности. Английские критики даже называют его величайшим драматургом со времен Шекспира. Нет никакого сомнения в том, что английская литература воспользовалась методами Чехова не меньше, чем русская, и если можно говорить о школе Чехова, то ее надо искать в Англии».

Ряд молодых английских писателей-новеллистов (изобразители провинциальной обывательщины, пошлости мелкобуржуазного быта) действительно находится под сильным влиянием Чехова: новеллы Катерин Мэнсфильд, рассказы Шервуда Андерсона, изображающего «лишних людей» мелкобуржуазной провинциальной Америки, некоторые произведения Дос-Пассоса.

Из постановок Чехова на английской сцене надо отметить прежде всего лондонский спектакль — «Чайка» с Валерией Тейлор в роли Нины Заречной. Пьеса и исполнение получили восторженную оценку английской критики и дали новый поворот заговорить о творчестве Чехова.

Еще прочнее чем в Англии вошел Чехов в репертуар японского театра послевоенного периода.

И здесь огромные социальные сдви-

ги: быстрый рост капитализма, пролетаризация широких масс, возникновение большого количества лишних людей создали настроения, созвучные «чеховским». Театр «Тсукидзи» в Токио поставил ряд чеховских пьес: «Вишневый сад», «Дядю Ваню».

Мы перечисляем здесь лишь несколько стран, в которых творчество Чехова вызвало большой интерес и оказало влияние на литературу. Неудивительно, что капиталистический мир в послевоенные годы, пытаясь оправиться от моральных потрясений, обращается к чеховским мотивам и ищет в них источник для раздумий.

Однако, подлинное значение Чехова для западного читателя заключается не в том, что Чехов помогает примириться с язвами окружающего быта. Сила чеховских вещей и их моральное значение в том, что они показывают, как пессимизм, слабоумие и апатичность загоняют людей в мещанское прозябанье, в стоячее и гниющее болото.

Для того чуткого читателя, который сумеет найти в творчестве Чехова это жизнеутверждающее, зовущее к жизни и борьбе начало, — вскрыются подлинный смысл и подлинная сила Чехова-художника и творца, великого реалиста и бытописателя «тмурой действительности», с которой не надо мириться, а которую надо побороть и победить для новой и ясной жизни.